

Новая армия и Государев двор

Русская армия в войне 1672–1681 годов показала свое превосходство над отборными полками янычар и спаги, но Ромодановский благоразумно использовал в сражениях лишь ее ударные части. Драгунские полки на юге и в Сибири, солдатские полки в Олонецком крае состояли из крестьян, лишь на время военных действий призывавшихся в строй. Указами Федора Алексеевича их личный состав был возвращен в тяглые сословия.

Более тяжелым балластом армии были нестройные толпы периодически мобилизуемого дворянства (в сотенной службе по «городам», то есть по уездам) с военными холопами и «даточных» крестьян (рекрутов). Метод превращения последних в безопасные регулярные части был понятен: вместо сбора и перемещения к границе значительных числом, но малоорганизованных полчищ из них следовало формировать и обучать солдатские полки постоянной службы, появившиеся в русской армии еще в 1630-х годах.

Немедленно после решения проблемы Чигирина, с осени 1678 года, Федор Алексеевич, изучив составленную по его запросу историческую справку о «даточных людях», энергично занялся сбором рекрутов с дворянских владений (с двадцати пяти дворов по человеку) и денег на их содержание с церковных земель и городского населения (по рублю с двора). Мобилизации 1678–1681 года (только в 1678 году их было проведено четыре) резко увеличили в армии удельный вес солдатских полков, ударной частью которых были «выборные» (гвардейские) полки, переведенные из Соли Камской в Бутырки.

Московские стрельцы, также хорошо показавшие себя в боях и более чем за столетие своего существования превратившиеся в гвардию, были переформированы в тысячные полки из старинных «приказов» по пятьсот человек и получили общеармейские звания (головы стали полковниками, полуголовы – подполковниками, сотники – капитанами). Они в первую очередь вооружались ручными гранатами (оказавшимися весьма эффективными в боях за Чигирин), гранатометами и нарезным оружием (винтовками).

Федор Алексеевич последовательно отстаивал интересы дворянства, отменив указ отца о невыдаче беглых, записавшихся в ратную службу; одновременно он провел в 1678-м и 1680–1681 годах массовые сыски беглых «даточных». В свою очередь, дворянство должно было исправно давать рекрутов и неукоснительно служить само. Пятнадцатого января 1679 года царь объявил именной указ о записи дворян в полковую службу, угрожая уклонившимся, что они вообще не получают чинов, а 17 марта бояре приговорили, что поместья будут оставаться за дворянами, только если они или их дети состоят в службе.

При этом «полковой» (действительной) службой считалась только служба в регулярных полках пограничных разрядов: Белгородского, Севского, Смоленского, Новгородского, Казанского, Тобольского, Томского, Енисейского и новосозданного Тамбовского. В 1679 году Федор Алексеевич ввел во всех городах, входивших в разряды (округа), полноценное воеводское и местное приказное управление, за счет чего заметно выросло число приказных изб, придал командующим округами статус разрядных воевод, а окружным приказным избам – звание разрядных приказных изб, то есть перенес на места часть функций Разрядного приказа.

Города, входившие в разряды (в Белгородском, например, их было шестьдесят один), делились на корпусные или дивизионные (генеральские) и полковые (где квартировал в мирное время один рейтарский, солдатский или регулярный казачий полк), а также крепости.

Все виды старой «городовой» службы отменялись, созданные в Центральной России Московский и Владимирский разряды служили для комплектования и содержания полков приграничных округов. По военно-окружной реформе 1679 года вся территория государства (черносошные крестьяне и промышленники северных уездов содержали выборных солдат) была организационно приспособлена к регулярной военной службе.

Всероссийский «разбор» военнотружущих завершился представлением государю «Росписи перечневой ратным людям, которые в 1680 году росписаны в полки по розрядом». Дворянство сотенной службы, городовые приказчики и выборные должностные лица, городовые стрельцы, пушкари, воротники, затынщикн были записаны в регулярные полки, причем дворяне – в конницу, «служилые по прибору» – в пехоту; негодные к строевой увольнялись со службы. Одновременно недворяне выписывались из конницы в солдаты; так же поступали и с беднейшими дворянами, неспособными к службе в рейтарах и копейщиках, – это был необходимый элемент чистки дворянства от деклассированных элементов.

Последним бастионом старой дворянской армии был Государев двор и приписанные к нему «выборные дворяне» из городской службы. Несмотря на повеление Федора Алексеевича московским дворянам и жильцам, записанным в эти чины с 1670–1671 годов нести военную службу с прежними их «городами», даже часть Государева двора не попала по реформе 1679 года автоматически в «регулярство».

В «Росписи» 1680 года оказалось шестнадцать тысяч девяносто семь дворян сотенной службы в сопровождении одиннадцати тысяч восьмисот тридцати военных холопов – силы, которые могли быть использованы разве что на парадах (довольно частых по случаю приема послов). Это число уже не могло повлиять на боеспособность армии, но чиновная

система Государева двора входила в острое противоречие и с новыми военными, и с дворцовыми чинами. Самому царю неоднократно приходилось давать генералу или кравчему дворовой чин, чтобы за ним признали право на определенное жалование или место в церемонии.

К тому же многие дворовые жаждали славы, военных отличий, и их приходилось отпускать в армию, с которой они не сливались и на новых командиров которой смотрели свысока (полковники помещались в конце московского списка!).

Со свойственной ему последовательностью Федор Алексеевич решил унифицировать системы чинов и до конца изничтожить дворянское ополчение. Первое ему не удалось. Правда, царь сумел унифицировать оклады дипломатов по званиям, без различия придворных чинов, и ввести систему наместнических титулов для послов и командующих армиями, однако представленный им проект общей чиновной реформы на основе наместнических титулов встретил мощное сопротивление, возглавляемое патриархом Иоакимом.

Подготовленная во второй половине 1681 года своеобразная «табель о рангах» из тридцати пяти степеней сводила воедино иерархии чинов Государева двора, военных округов, высшего гражданского аппарата и дворцовых должностей. Смерть Федора 27 апреля 1682 года, предваренная длительной тяжелой болезнью, не позволила его негибимой воле преодолеть сопротивление проекту, но системе службы старого Государева двора он успел нанести смертельный удар.

В русской армии уже четверо дослужились до звания полного генерала (В.А. Змеев, Г.И. Косагов, А.А. Шепелев и М.О. Кровков), употреблялись винтовки, и при этом присутствовали отряды рыцарей в роскошной дедовской броне, выезжавшие в поле со своими оруженосцами и слугами! Царским указом с боярским приговором князю В.В. Голицыну с товарищами 24 ноября 1681 года было поручено ведать «ратные дела» для приведения российской армии в соответствие с современными требованиями на основе опыта новейших европейских войн.

«Для ратных и земских дел» созывались опытные военные и представители дворянства с мест, которые первым делом предложили заставить представителей всех фамилий Государева двора служить «полковую службу по-прежнему», но с общеармейскими званиями, не в сотнях, а в ротах во главе с ротмистрами и поручиками, со сведением рот в полки. Затруднение состояло в том, что представители самых захудалых родов московского дворянства опасались «понизиться» в системе местнических счетов.

Посему выборные просили государя обещать, что в ротмистры и поручики будут записываться представители всех без исключения родов и чтобы больше «никому ни с кем впредь розрядом и места не считаться и розрядные случаи отставить и искоренить». Хотя местничество, то есть споры из-за старшинства на основе примеров службы предков и родичей, очень часто отменялось для отдельных походов или церемоний Михаилом и Алексеем Романовыми, а Федором Алексеевичем запрещалось чуть ли не во всех случаях, боязнь «утянуть» свой род в местнических счетах у дворянства была довольно сильна.

Под предлогом военного усовершенствования и искоренения «недружбы» между христианами Федор Алексеевич с патриархом, Освященным собором и Боярской думой 12 января 1682 года удовлетворил просьбу выборных и отменил местничество навечно; разрядные местнические книги были тут же сожжены, а Соборное деяние подписано всеми участниками мероприятия во главе с государем.

Деяние об отмене местничества сильно взволновало позднейших историков и было практически не замечено современниками, в отличие от решения того же собора о кодификации дворянских родословий. Согласно Сильвестру Медведеву, царь произнес на соборе обширную пламенную речь в том духе, что честь и чины должны даваться людям по разуму и заслугам – и в то же время все должны занимать в обществе свои места, как органы единого дела: бояре – думать о славе и процветании государства, воеводы – бить врагов, воины – служить, земледельцы – платить оброк...

«Посему государь может жаловать новых людей в боярство, не унижая ни их, ни старые роды; родовитый же человек, погубивший «благородие» «за скудость ума или коею неправдою», не должен тем самым «низить» весь свой род; родственники не отвечают за преступление одного. В Соборном деянии сказано конкретно, что Федор Алексеевич обещал дворянству кодифицировать их родословные в пяти книгах по степеням знатности. Согласно новому «разряду без мест» между 5 и 15 февраля 1682 года во исполнение этого обещания царь создал Гербалную палату (позже известную под названием Палата родословных дел): ее-то работа, развернутая уже при царевне Софье, вызвала настоящий ажиотаж среди дворян!